

Б. Х. ИСМАГУЛОВА

БИЛИНГВАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В современной теории знаковых систем концепция коммуникации разработана достаточно полно, что дает основание для разработки вопросов художественной и, более того, билингвальной художественной коммуникации. Ключевыми при этом являются понятия “текст”, “художественный текст”, “художественная коммуникация”, “билингвизм”.

В лингвистической литературе существует множество дефиниций текста и в том числе художественного. Обобщая их, можно отметить следующее: 1) сложность и многоаспектность природы художественного текста; 2) как и всякий текст, он является основной единицей коммуникации; 3) представляет собой способ отражения определенного фрагмента действительности, а также 4) форму существования и способ трансляции культуры.

К середине 70-х годов XX столетия произошел коренной перелом в исследованиях текста, который выразился в принципиально новом подходе к нему не как к статичному образованию, а как к динамичному началу, “живому организму”, который участвует в художественном общении автора и читателя. Динамичность процессу общения в этом случае придает восприятие текста адресатом, включающее его понимание и интерпретацию. Разумеется, речь может идти о полном, адекватном и неполном понимании в ходе художественной коммуникации и о полном непонимании в случае ее провала. Для нашего исследования следует признать актуальным то, что художественный текст, представляя собой знак той или иной культуры, участвует в межкультурной коммуникации в качестве ее важнейшего элемента. В этом случае чаще всего речь идет о **тексте иной культуры, представленном посредством перевода**.

Задачам данного исследования более всего отвечает психолингвистическое понимание ключевого термина: “Условимся считать текстом, — пишет Ю. А. Сорокин, — некоторую последовательность языковых/речевых (знаковых) средств, обладающих признаками связности, цельности (целостности) и эмотивности” [1, с. 3], поскольку

оно ориентировано на изучение взаимодействия реципиента и текста. Именно эта сторона художественной коммуникации представляет особый интерес в контексте межкультурной коммуникации, когда возрастают актуальность *понимания инокультурного текста* как результата успешной коммуникации. Говоря о тексте как особой форме коммуникации – художественной, следует иметь в виду такие составляющие этого процесса, как адресант (автор), сообщение (художественное произведение), адресат (читатель), код (язык), кодирование (создание произведения) и декодирование (чтение). Соответственно при **билингвальной художественной коммуникации** процесс усложняется, так как включает в себя новые составляющие – переводчика, который выступает одновременно в двух ипостасях – сначала реципиента оригинала, затем адресанта переводного художественного текста, и его переводческую деятельность, в свою очередь состоящую из декодирования оригинала (ИЯ) и его кодирования на новом языке (ЯП). Иначе говоря, в контексте межкультурной коммуникации речь идет о билингвистической художественной деятельности переводчика и шире – о билингвальной художественной коммуникации, в которую уже вовлекается, помимо самого переводчика, и инокультурный реципиент в лице читателя переводного произведения. Следует отметить, что при художественном переводе имеется в виду **билингвистическая художественная деятельность переводчика**, который полученную в процессе восприятия художественно-эстетическую информацию стремится перевыразить средствами языка-цели; и, таким образом, его творческая активность протекает в сфере двух языков, двух языковых картин мира. Причем он “попеременно” обращается к двум языкам с позиций не просто носителя языка, а лингвиста. Коммуникация же при восприятии переводного художественного произведения, например, при чтении “Ревизора” Н. В. Гоголя на казахском языке или просмотре одноименного спектакля в казахском драматическом театре, иначе говоря, с точки зрения адресата речи, будет представлять собой,

во-первых, художественную коммуникацию, направленную на передачу эстетически значимой информации, во-вторых, коммуникацию билингвальную, поскольку текст сообщения не оригинальный, а переводной.

Здесь имеет значение такое свойство художественного текста, которое Ю. М. Лотман назвал “способностью накапливать информацию”: “Обладая способностью концентрировать огромную информацию на “площади” очень небольшого текста (ср. объем повести Чехова и учебника психологии), художественный текст ... выдает разным читателям различную информацию (выделено нами. – Б. И.) – каждому в меру его понимания, он же дает читателю язык, на котором можно усвоить следующую порцию сведений при повторном чтении. Он ведет себя как некоторый живой организм, находящийся в обратной связи с читателем и обучающий читателя” [2, с. 35]. Сделать объем значимых структурных элементов при переходе перевода текста от продуцента к инокультурному реципиенту не меньшим, чем в оригинале (а порой и большим, если учесть необходимость пояснения инокультурных реалий), свести к минимуму их потери – одна из важнейших задач переводчика и в целом билингвальной художественной коммуникации.

В этом аспекте представляет интерес скрытая, содержательно-подтекстовая информация художественного произведения, которая образуется на стыке содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации благодаря способности языковых единиц порождать ассоциативные и коннотативные значения [3, с. 48] и которая, как правило, является камнем преткновения при воплощении авторского замысла на языке перевода вследствие расхождения в языковом мышлении (языковой картине мира) носителей языка оригинала (Я1) и языка перевода (Я2) и, как следствие, этого несоответствия сложившихся стереотипов дискурсивной деятельности на том и другом языке.

Признавая художественное произведение результатом интерпретаторо-ориентированной деятельности, так как изначально оно рассчитано на его восприятие читателем-интерпретатором [4, с. 106], целью процесса художественной коммуникации следует считать *понимание* прочитанного, то есть уяснение его *смысла*, который создается не только *внутренней структурой*

текста и отношениями между высказываниями на уровне текста как целого, но и *внештекстовым контекстом*. Если следовать идеям М. М. Бахтина о диалогичности бытия и диалогическом характере текста, то вполне уместными окажутся утверждения исследователей о сложных отношениях текста с культурным контекстом прошлого, настоящего и будущего, а также с *контекстом другой культуры*. “Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов”, – как отмечает М. М. Бахтин, подразумевая автора – отправителя и читателя – адресата [5, с. 127]. При билингвальной художественной коммуникации следует говорить о “рубеже двух сознаний, двух субъектов”, представляющих две культуры. Мы бы к этому добавили: “двух культур”, поскольку при восприятии инокультурного текста с неизбежностью происходит “столкновение” двух культур, двух языковых картин мира.

Акт коммуникации при билингвальной художественной коммуникации может произойти при условии совпадения кодов – автора и читателя (что достигается в процессе перевода иноязычного текста на язык реципиента). Но этого оказывается недостаточно для понимания инокультурного текста. Одним из основных препятствий на этом пути является особое, исторически формирующееся восприятие мира, эксплицированное в языке. Становясь на позиции реципиента инокультурного текста, переводчик декодирует смысл оригинала, подвергая перерождению его когнитивное содержание. При этом он старается не потерять своеобразия национальной культуры и характера, так или иначе выраженных в языковой ткани произведения. В связи с этим уместно вспомнить высказывание Ю. М. Лотмана о непонимании, которое может возникнуть при чтении в условиях художественной коммуникации, которая предполагает более простое общение “автор – читатель”, чем при билингвистической художественной коммуникации, когда процесс художественного общения значительно усложняется: “Непересекающиеся части кода составляют ту область, которая деформируется, креолизуется или любым другим способом перестраивается при переходе от писателя к читателю” [2, с. 38]. Естественно предположить, что при восприятии инокультурного художественного текста таких “непересекающихся” областей,

которые приводят к деформации смысла, становится больше.

С учетом того, что текст выполняет роль генератора смысла только в процессе коммуникации, отметим, что в условиях билингвальной художественной коммуникации, когда партнеры – автор и реципиент – представители разных лингвокультурных сообществ, со всей остротой встают вопросы прагматики текста, объектом рассмотрения которой является отношение ‘текст – читатель’ в свете того, как текст воздействует на читателя. И здесь исследователи выделяют три уровня, которые способствуют достижению *прагматического эффекта* [6, с. 161–162]:

первый уровень, который располагается на “входе” прагматической информации и представлен прагматикой выражений, которые на лингвистическом уровне эксплицируются через модальность высказывания (вопрос, утверждение, отрицание и т.д.), коммуникативно-речевые стратегии (сообщение, описание, рассуждение, рефлексию и т.д.);

второй уровень располагается на “выходе” и представляет собой уровень предназначений, своего рода ожиданий от адресата определенных действий, поведения, рефлексии; иными словами, это то, ради чего собственно текст и создается;

третий уровень обеспечивает успешность протекания коммуникативного акта путем соотнесения средств и способов построения текста со всеми его аспектами, включая два предыдущих уровня; разумеется, основной прагматической целью художественного произведения является эстетическое воздействие на читателя. И все названные три уровня призваны обеспечить это “основное прагматическое предсмотрение, заложенное в литературном тексте” [5, с. 168].

При анализе прагматической установки художественного текста в нем выявляется многослойная коммуникативная структура, которая коррелирует со сложной системой отношений между писателем и читателем, опосредованной персонажем. Персонаж рассматривается исследователями в качестве проводника авторских интенций [7, с. 37]. Это особенно актуально для драматических произведений, в которых речь автора, по требованиям жанра, сводится к минимуму.

Будучи “многократно закодированным” (термин Ю. М. Лотмана), художественный текст имеет

множество контекстных структур, создающих ту многозначность художественного слова, которая отличает его от других употреблений (в деловой, научной, бытовой и других сферах). Применительно к драматическим произведениям данное положение можно проиллюстрировать тем неоспоримым фактом, что каждый режиссер (в данном случае он выступает просто реципиентом) по-своему ставит одну и ту же пьесу, а через какое-то время (которое изменяет и самого режиссера как личность, и общественные вкусы) тот же режиссер поставит ее иначе.

Таким образом, в процессе художественной коммуникации происходит общение между автором и читателем, причем оно носит двунаправленный характер: как от автора к читателю, так и наоборот – от читателя к автору. Реципиент выступает не просто как потребитель текстовой информации, но и как “участник создания художественной традиции” [8, с. 182], поскольку писатель, создавая свое полотно, достаточно четко представляет себе адресата, его общественные устремления, чаяния, детерминированные, можно сказать, ходом общественно-исторического развития, особенностями эпохи и той лингвокультурной общности, которую он сам представляет. Еще более ориентирован на читателя переводчик художественного произведения, которое может быть отдалено от своего инокультурного реципиента не только лингвокультурной средой, в которой оно возникло, но и временем создания. К примеру, восприятие комедии Н. В. Гоголя “Ревизор” для читателя наших дней усложняется по сравнению с ее восприятием современниками великого русского драматурга в связи с изменением реалий общественной жизни; в еще большей мере оно затрудняется в инонациональной аудитории, например в казахской, так как перевод все же не снимает экстралингвистических лакун оригинала. Следовательно, казахскому реципиенту (зрителю/читателю) предстоит преодолеть, наряду с языковым, еще и межкультурный, а также временной и пространственный барьеры для успешного общения с миром гоголевских героев. Билингвальная художественная коммуникация, как видим, способствует сближению разных культур, пониманию как общности, так и самоидентичности носителей разных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М.: Наука, 1985. 167 с.
2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. С. 13-285.
3. Гальтерин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 135 с.
4. Васильев Л.Г. Семиологические характеристики языкового общения // Личностные аспекты языкового общения: Межвуз. сб. науч. тр. Калинин: КалГУ, 1989. С. 104-112.
5. Бахтин М.М. Проблема текста // Опыт философского анализа – Вопросы литературы. 1976. № 10. С. 122-151.
6. Марова Н.Д. Прагматика и перспектива текста // Прагматика и стилистика текста: Темат. сб. Алма-Ата: КазГУ, 1988. С. 160-169.
7. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. Ташкент: Фан, 1988.
8. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988. 189 с.

Резюме

Басқа мәдениетті (аударма) көркем шығарманы түсіну мәселелері мәдениаралық қарым-қатынастық түрғысынан қарастырылады. Аудармашының билингвистикалық көркем әрекеті және сонымен қатар аударманы оқытын басқа мәдениетті оқырман қатысатын билингвальді көркем коммуникация деген үғымдар ажыратылады. Билингвальді көркем коммуникацияның негізгі прагматикалық мақсаты түпнұсқа өз оқырмандарына қандай эстетикалық өсер етсе, аударма да басқа мәдениетті оқырманға сондай өсер етеді, сондай ой-толғаулар туғызады.

Summary

In article, examine problems of another cultural translation understanding in context of cultural communications. There are bilingual feature activity and bilingual feature communication which includes the translator and the another cultural reader of the translated text. The Main pragmatic aim of the bilingual feature communication is to achieve such esthetical influence on another cultural reader, as the original on addressee.